

УДК 009 930.85

Н. Г. Меджидова
 доктор філософії по філософії,
 доцент кафедри філософії
 Бакинського державного університета

ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА. «ЛОКАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ» ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Специфика познания такого объекта, как человек, в том, что он как целостность не может быть постигнут по какому-то одному или даже нескольким измерениям. Обеспечить же синтетическое познание человека – труднейшая задача. Основная методологическая трудность состоит в том, что приходится иметь дело не просто с меняющимся объектом, но с объектом, который, преобразовывая среду, изменяет и себя, развивая в процессе преобразования собственную сущность. Не случайно многочисленные попытки определить «человеческую природу» в различных учениях философской антропологии не только не дали общепризнанных результатов, но зародили закономерные сомнения в состоятельности философской антропологии как дисциплины, способной интегрировать разрастающееся многомерное знание о человеке.

Говоря о человеке, мы имеем дело с универсальным объектом. Удваивая мир в ходе преобразующей деятельности, человек создает «вторую природу» – искусственную среду и социальный мир, обретая способность к научному, объективному мышлению, к тому, чтобы усматривать сущность любого объекта, и открывает в себе внутреннее идеальное удвоение – сознание.

Целостность человека не задана ему природой, но выступает каждый раз как результат овладения очередным пластом реальности. Поэтому в человеке мы имеем принципиально открытое существо с самодвижущейся сущностью. Каждый акт овладения очередным разделом материальной или идеальной действительности и, соответственно, овладения собой, замыкания самостоятельно Я в целостность есть вместе с тем начало нового выхода субъекта за пределы его личных возможностей [5].

Надо решить, можно ли обсуждать проблему человеческой природы, перечисляя конкретные, уже наличествующие свойства человека, или речь будет идти о чем-то, чему предстоит сформироваться, обрести себя. Когда философы говорят о природе или сущности человека, то речь идет не столько об окончательном раскрытии данных понятий, их содержания, сколько о стремлении уточнить роль названных абстракций в философском размышлении о человеке.

Антропологическая тематика в ее темпоральном единстве с пространством культуры занимает значимое место в рамках философского дискурса XXI в. Культура последнего столетия находится в состоянии технологического переформатирования, в ходе которого «переписывается» ее материально-функциональная матрица. Соответственно, согласно теории культурно-антропологической коэволюции, человек и его природа также изменяются, о чем, в частности, свидетельствуют как многие научно-теоретические исследования по философской антропологии, так и непосредственный эмпирический опыт проживания человека в контексте современной технокультуры. Все это актуализирует философское обращение к антропологической тематике. В частности, сегодня по-новому встает вопрос о человеческой природе, формах и направлениях ее эволюции, а также синхронной изменчивости оснований культуры.

Достаточно трудным для философской рефлексии оказывается и вопрос о характере природы человека. Все многообразие подходов по данной проблеме можно классифицировать следующим образом. Одни авторы исходят из неизменности, постоянства, вечности человеческой

природы. Она предопределена принадлежностью человека к определенному природно-биологическому виду, носит уникальный характер. Человек обладает едва ли не совершенной биологической организацией, оптимально устроенным организмом.

В рамках второго подхода к природе человека полагают, что никакой однажды предназначенной природы нет, и указывается на способность человека изменять самого себя. Человек обладает пластичностью, он восприимчив к бесконечным пересотворениям. Мы такие, какими сделали себя сами. Данный принцип разделяли С. Кьеркегор, У. Джемс, А. Бергсон, Т. де Шарден и др. Такой позиции придерживаются и мыслители, отстаивающие идею приоритета общественных отношений и форм жизни над природными предпосылками. Человек преходящ во времени, историчен. Более того, из представления об отсутствии четко фиксированной природы рождались проекты его «пересоздания», воспитания «нового человека» в угоду тем или иным социальным проектам.

Третий подход исходит из убеждения, что человек, хотя и историчен, но проявляет сущностное единство в разные эпохи своего бытия. Человеческая природа как некая данность, безусловно, должна существовать в качестве целостности и проявлять себя в существенных признаках и атрибутах. Другое дело, что сами эти атрибутивные качества рождают многообразие моделей человека, и мыслители расходятся в их выделении и характеристике. О единстве человеческой природы свидетельствует ряд обстоятельств:

- вид человека остается неизменным вот уже несколько сотен тысяч лет;
- культурные антропологи считают, что человек не может быть полностью «растворен» в той или иной культуре, иначе представители разных культур не понимали бы друг друга;
- о единстве человеческой природы свидетельствует наличие у людей типических чувств, сходных типов поведения и форм межличностных отношений в различных социокультурных контекстах.

Другими словами, человеческая природа сохраняет свою внутреннюю устойчивость. Мы лишь не в состоянии пока представить ее детальную расшифровку, ибо она проявляется в различных культурах, в многообразных реакциях человека на индивидуальные и общественные отношения. Трудность и состоит как раз в том, чтобы отыскать то общее, что проявляется в особенном и единичном.

Сама «человеческая природа» не является константой. В зависимости от формы общественного сознания и философского дискурса, меняется и содержательное раскрытие атрибутики человеческой природы. Человеческой природе имманентно присуща изменчивость, а перманентное становление является ее первым атрибутом, поэтому строгая артикуляция человеческой природы принципиально невозможна.

«От нашего представления о природе человека, – пишет Л. Стевенсон, – зависит очень многое: для конкретных людей – смысл и цель жизни, понимание того, что нам следует делать и к чему стремиться, на что надеяться или кем быть; для человеческих сообществ – какое мы хотим построить общество и какого рода социальные изменения должны осуществлять» [6, с. 15].

В принципе, под «природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи *Homo sapiens* во все времена, независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть данные признаки – значит выразить человеческую природу. Понятие природы человека выражает комплекс устойчивых свойств социального индивида, которые воспроизводятся во все эпохи и у всех народов, что указывает на их обусловленность нашей биологической организацией. Данные свойства формируются на основе генетических факторов и варьируются под влиянием внешних условий – физических и социальных. Они выражают потребности, влечения, способности, формы поведения и деятельности человека. В нравственном плане они могут рассматриваться под углом противоположных качеств – эгоизма и альтруизма, их определенного баланса. Можно согласиться с более распространенной формулировкой, что природа человека биосоциальна, отдавая себе, однако, ясный отчет в ее фундаментальной биологической сущности [4].

Поиск закономерностей самодвижущейся сущности при изучении человека требует смелости, новаторства и может быть успешным только при применении нестандартных методологических подходов. Человек как развивающаяся целостность чаще ускользает от познания, оставляя исследователю отдельные аспекты, более или менее познанные и не всегда взаимосвязанные. Между тем сам человек в своем развитии достиг стадии, когда подобное состояние наук о нем не только не удовлетворительно, но и просто опасно.

Человек не может не искать в себе новые возможности, раздвигающие горизонты доступного. Но новые открытия несут с собой и угрозы, если полученное знание будет применяться неадекватно, выходить за рамки, определенные самой природой. Человек должен, наконец, обрести мудрость хотя бы настолько, чтобы использовать открываемые им «лекарства» по назначению и в ограниченных дозах, чтобы не навредить себе самому. Б.Г. Юдин справедливо подверг критике одну из характерных установок технократического мышления, да вообще всей новоевропейской цивилизации: «Если нечто изобретено – оно обязательно должно и фактически будет воплощено в жизнь». Человек должен проявлять свободу не только в том, чтобы создавать, но и в том, чтобы отказываться от того, что несет потенциальную опасность [9].

Движущая сила человеческого интеллекта состоит в вечной неутолимой жажде устанавливать причинные связи и зависимости, которые на первый взгляд кажутся нереальными и фантастическими, но по мере развития наших знаний утверждаются в своей значимости и определенности. Существует предрассудок, будто бы накопленный объем знаний и опыт жизни делают современного человека мудрее своих предков. Только благодаря тому, что нам довелось жить после своих предков и впитать в себя весь опыт предшествующих поколений, мы неизбежно должны лучше знать все обо всем. Конечно, в нашем распоряжении больше фактов, много личного и национального информационного богатства, более совершенная техника и огромные возможности сохранения и продления жизни. Но проявляем ли мы в нашей жизни больше мудрости и обычного гуманизма, чем ушедшие поколения, сможем ли взять их опыт с собой в будущее и, несмотря на все жестокости современного мира, сохранить при этом определенный запас доброй иронии и философской наивности [8]?

Статус человеческого бытия заключен в противоречии между ним и миром, в форме его принципиальной непринадлежности, отчужденности, которая выражаясь философски, ставит под вопрос существование мира и смысл

бытия. Это как бы удаляет человека от его окружения, и это удаление – дистанция, так называемая «степень отчужденности», представляет собой степень познания окружающего мира и себя в нем. Главным фактором мировой отчужденности является не пассивная форма восприятия мира через познание и опыт, а активная форма созидания своего окружения – практика [10].

Оставаясь представителем живой природы, неприспособленное существо должно создать для себя свой, пригодный и удобный для него мир, поскольку ранее таковой не существовал. Существуют только миры, создаваемые человеком или его представлениями. Таким образом, возникает историчность человека, его прошлое. Человек не обязан сохранять для себя однажды созданную форму существования. Его предназначение не только для нашего мира, но и для любого другого не является однозначным, хотя ему предопределено жить в одном из них.

Именно потому, что человек не обладает заданной наперед формой существования, он должен ее прежде создать и каждый раз делать это по-новому и по-разному, превращая историю в незавершенный процесс без достижения конечной цели, что обрекает его на постоянное историческое действие, экспериментирование и разработку новых моделей личной жизни и общества. Человек случаен в этом мире, для его существования в нем нет никакой необходимости. И то, что он такой, какой есть – чистая случайность. Искусственность лежит в природе человека, а его сущность – непостоянство, и это парадокс. В этом мире он всегда чужой, и его непрерывной задачей является создание для себя определенных рамок существования. Иначе говоря, его вечной целью является «вписаться» в существующий мир, что всегда ограничено временем. Время – главный параметр человеческого бытия, потому что человек живет во времени и осознает, что его пребывание на Земле имеет начало и конец. Осознавая ограниченность жизни, человек пытается рационально использовать время, черпая силы в прошлом, приобретает и оттачивает талант, через него познает настоящее, стремится максимально расширить для себя жизненные рамки и ресурсы будущего. И в выборе возможностей для реализации данных целей он не испытывает ограничений, он свободен [8].

Специфику человека надо искать не в том или ином «признаке», присущем его «природе», или совокупности признаков, а в том процессе, посредством которого человек выдвинул себя из животного мира. Э. Фромм продолжил и уточнил эту мысль век спустя, указав, что специфика человека в особом способе бытия – в предметно-преобразующей деятельности [5]. В такой трактовке становится возможным осмыслить феномен самодвижущейся сущности. Поиск закономерностей самодвижущейся сущности при изучении человека требует смелости, новаторства и может быть успешным только при применении нестандартных подходов. Есть принципиальная разница между развитием собственной сущности в процессе преобразования внешней природы и намеренным экспериментированием над своей природой. Последнее нельзя считать новейшей стадией саморазвития человека как открытого существа. Напротив, это – расставание со своей открытостью. Основой саморазвития социальной сущности человека и его универсального приспособления к природе путем ее преобразования была та человеческая природа, что вышла из горнила социантропогенеза. Человек обрел в результате социантропогенеза природу, приспособленную к универсальному способу существования.

В человеке сочетается множество факторов, причем сочетается не однозначными причинно-следственными связями, а по типу корреляционной причинности, когда характеристики, кому-то кажущиеся подлежащими «исправлению», необходимо, но неявно связаны с иными

характеристиками, принципіально необхідними для життя. Чоловік не знає себе сам настільки, щоб з певністю управляти процесом самоизменения.

С другої сторони, всяке самоизменение набуває в перспективному ідеалі майбутнього стану – того, к чому хотять прийти. Річ йде не тільки о знову пізнаних властивостях людської природи або характеристиках його соціального існування, але і о тих, невідомих раніше біосоціальних станах, в які людина може бути ввергнут. В даній ситуації стає важливим відслідковувати всі найновіші результати наукового пізнання людини, які відкривають можливості втручання в його біологічну природу. Великий інтерес викликають сучасні дослідження геному людини. Інтересно зауваження спеціалістів по геноміці о тому, що розшифровка геному людини – процедура редукціоністська по своїй суті – не тільки не наблизила розуміння глибини основ функціонування людського організму, але породила ще більше питань. Стоїть відзначити найновіші результати нейрофізіологічних досліджень людських психіки і свідомості. Спеціалістам передстоїть велика робота по частині встановлення зв'язків між станами мозку і станами свідомості. Продвиження по шляху біологічного пізнання не тільки не знімає філософських питань досягнення людини, але найбільш крупні спеціалісти-дослідники прямо закликають філософів активніше включатися в осмислення результатів, отриманих ученими. Це необхідне умовою для того, щоб правильно зрозуміти те, що вже відомо, не зменшуючи і не збільшуючи його значення в загальній картині природи людини.

Людина – це відкритий антропологічний феномен, виключаючий інваріативну, суттєву предзаданість і формуючийся через існування в межах непрямої біологічної даності і соціокультурної реальності. Одночасно можливо виділення порівняльно стійких «атрибутивних ідентифікаторів» людського – «локальних констант» людської природи, які створюють можливість описання людини як цілісного антропологічного феномена, а також висвітлення ступеня і форм його трансформації.

Першою і найстійкішою «локальною константою» людської природи є фізичне вимірювання. Вважається, що, як біологічний вид, сучасний людина сформувалася кілька десятків тисяч років тому і впродовж до теперішнього часу не зазнав значущих змін [1].

Біологічна природа людини проявляється в житті його тіла. Життя людини – це форма його існування (буття), проявляючись в взаємодії з середовищем, надмірним самовиробництвом, багатоманітністю властивостей і біологічно-генетичними реакціями.

Другою «локальною константою» людської природи є ціннісна матриця. Часто сутність власне людського виводять з здатності людини створювати цінності і жити в них в просторі, співвідносячи з ними уклад власної духовної конституції і поведінкових стратегій [1].

Третньою «локальною константою» людської природи є соціально-комунікативна атрибуція людини. Четвертою «локальною константою» – практика, розуміючи як культуророзбудительна діяльність активності, ставши механізмом освоєння людиною природи і створення всього простору матеріальної культури [1].

П.С. Гуревич вважає, що «людська природа» – це «сукупність стійких, незмінних рис, загальних задатків і властивостей, виражаючих особливості людини як живої істоти, які присущі людині розумно в усі часи, незалежно від біологічної еволюції

і історичного процесу» [3, с. 25]. Однак, будуючись на даних принципах, досить проблематично побудувати універсально-константне визначення сутності людини. Виходячи з системи сучасних філософсько-антропологічних поглядів, можна виділити чотири локальні константи природи людини. В межах матеріально-фізичного модуса людської природи ми фіксуємо одну, але в певному сенсі найстійкішу «локальну константу», зводяться до тілесно-фізичної антропної визначеності. Матеріально-фізична телесність завжди була зовнішнім ідентифікатором людського, іманентно присутнім йому, а також формувала фізичне просторі об'єктивних можливостей і обмежень людини, впливаючих на практично діяльні і екзистенціальні вимірювання його існування. В межах ідеально-духовного вимірювання можна виділити одразу кілька «локальних констант» людської природи, однак кожна з них не має чіткої визначеності внутрішніх рис. Серед них можна виділити ціннісно-символічну, яка фіксує виключність людини як «символічного тваринного», створює символічних форм, задаючих ідеальний каркас простору культури. Наступною в даній послідовності йде соціальна константа, визначаюча людину як «соціально-політичне тваринне», виступаюче актором соціального дискурсу і діяльним трансформатором реальності через її творче освоєння. Культуророзбудительна діяльність активності, ставши механізмом освоєння людиною природи і створення всього простору матеріальної культури, до певної ступені об'єднує в собі всю психоментальну атрибутику людини, об'єктивуючи її в просторі культури.

Література

1. Беляев Д.А. Перспективні антропологічні моделі постлюдина: трансформація людської природи і надлюдська атрибуція / Д.А. Беляєва // Глобальне майбутнє 2045 : матеріали Першої всеросійської конференції. – М. : Канон+, 2014. – 352 с.
2. Губин В.Д. Філософська антропологія / В.Д. Губин, Е.Н. Некрасов. – М. : Форум, 2014. – 400 с.
3. Гуревич П.С. Феномен деантропологізації людини / П.С. Гуревич // Проблеми філософії. – 2009. – № 3. – С. 19–31.
4. Дубровський Д.І. природа людини масове свідомство і глобальне майбутнє / Д.І. Дубровський // Глобальне майбутнє 2045 : матеріали Першої всеросійської конференції. – М. : Канон+, 2014.
5. Нове в науках про людину : до 85-ліття з дня народження акад. І.Т. Фролова / отв. ред. Г.Л. Белкіна. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 432 с.
6. Стевенсон. Десять теорій про природу людини / Стевенсон. – М., 2004.
7. Уілсон Е. Смысл существования человека / Э. Уилсон ; пер. с англ. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 216 с.
8. Эйзлер А.К. Быть человеком / А.К. Эйзель. – М. : Алгоритм, 2014. – 480 с.
9. Юдин Б.Г. Что там после человека? / Б.Г. Юдин // Глобальное будущее 2045 : материалы Первой всероссийской конференции. – М. : Канон+, 2014.
10. Anders G. Die Antiquiertheit des Menschen Ungekürzte Sonderausgabe 1961 Umschlag- und Einbandentwurf von Arthur Schraml, München.

Аннотация

Меджидова Н. Г. Еще раз о природе человека. «Локальные константы» природы человека. – Статья.

В статье рассматриваются многочисленные взгляды на природу человека. В современной философской антропологии все большее распространение получают сравнитель-

но устойчивые «атрибутивные идентификаторы» человеческого – «локальные константы» человеческой природы. Под «природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи Homo sapiens во все времена, независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Исходя из системы современных философско-антропологических воззрений, можно выделить четыре локальные константы природы человека.

Ключевые слова: философская антропология, природа человека, локальные константы, антропологический поворот.

Анотація

Меджидова Н. Г. Ще раз про природу людини. «Локальні константи» природи людини. – Стаття.

У статті розглядаються численні погляди на природу людини. У сучасній філософській антропології все більшого поширення набувають порівняно стійкі «атрибутивні ідентифікатори» людського – «локальні константи» людської природи. Під «природою людини» маються на увазі стійкі, незмінні риси, загальні задатки й властивості, які

виражають її особливості як живої істоти, притаманні Homo sapiens у всі часи, незалежно від біологічної еволюції й історичного процесу. Виходячи із системи сучасних філософсько-антропологічних поглядів, можна виділити чотири локальні константи природи людини.

Ключові слова: філософська антропология, природа людини, локальні константи, антропологічний поворот.

Summary

Medzhidova N. H. Once again about human nature. "Local constant" of human nature. – Article.

The article considers many perspectives of human nature. In modern philosophical anthropology relatively stable "attribute identifiers" of the human – "local constants" of human nature become more common. "Human nature" means persistent, unchanging features common inclinations and characteristics, expressing its features as alive being, which belong to Homo sapiens regardless of biological evolution and the historical processes during the all times. On the basis of modern philosophic – anthropological views four local constants of human nature might be identified.

Key words: philosophical anthropology, human nature, local constants, anthropological turn.